

18+

Александр Качура

Ты моя самая свеженькая.

Кругосветка. Китай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73785103

ISBN 9785006973114

Аннотация

Костя, Эби, мама Сара, папа Изя и форшмак (личность с паспортом в банке) отправляются в кругосветку. Первая остановка – Китай. Убегающие руки, прыгающие вампиры цзянши, съезд по проблемам конечностей, проснувшийся терракотовый генерал, дракон с кризисом английского, метла с изолентой, возомнившая себя личностью, и форшмак, который решает идти в политику. Абсурдная комедия о том, что семья – это даже не те, у кого одна кровь, а те, кто соберут тебя по частям, даже если рука убежала в Гонконг.

Содержание

ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1	15
ГЛАВА 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ты моя самая свеженькая Кругосветка. Китай

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0069-7311-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР КАЧУРА

ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ.

ЧАСТЬ 3

КРУГОСВЕТКА · КИТАЙ

ФОРШМАК

**ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ. КРУГОСВЕТ-
КА. КИТАЙ.**

ПРОЛОГ

Солнце вставало над Атлантидой пятьсот двадцать третье утро подряд. Делало это исправно, по графику и с лёгким чувством профессиональной усталости. Остров давно сбился со счёта, но продолжал светиться – из вежливости, из туристических обязательств и потому что в рекламном буклете было написано «вечное солнце». Отель стоял. Пальмы шелестели. Русалки в лагуне репетировали утренний концерт – начали с романса, но уже через несколько куплетов перешли на одесский шансон. Нацисты с метлами методично подметали дорожки, падая через каждые три взмаха. Падали аккуратно, дисциплинированно и почти строем. Один упал особенно красиво и получил одобрителный кивок старшего по падениям. В общем, утро было спокойное. Подозрительно спокойное.

Ася сидела на балконе с чашкой кофе и чувствовала себя подозрительно спокойно.

– Сёма, – сказала она, не оборачиваясь. – У меня плохое предчувствие.

– Таки да? – отозвался Сёма из номера. Он пытался завязать бантик на локте, но бантик сегодня капризничал и хотел быть на коленке. – Какое именно? У нас их целая коллекция.

– Хорошее. Слишком хорошее. Третий день без происшествий. Никто не утонул, не развалился, не организовал но-

вую религию.

– А нацисты?

– Падают по расписанию. Метлы чистые. Даже форшмак...

– Кстати о форшмаке.

Из коридора донеслось характерное шлёпанье. Форшмак – официально признанная личность, с паспортом, печатью и сомнительной репутацией – влетел в комнату, размахивая сельдереем.

– ТРЕВОГА! Я ТОЛЬКО ЧТО ВИДЕЛ, КАК ТВОИ РОДИТЕЛИ...

Он осёкся, потому что в дверях стояли они.

Костя вошёл первым. Точнее, сначала вошла Эби, а за ней – части Кости, которые пока держались вместе. Он улыбался своей обычной кривоватой улыбкой – челюсть держалась на честном слове, семейной поддержке и капле божественного клея.

– Доброе утро, дочка! – сказал он. И потерял руку. Рука упала на пол, немного подумала и залезла под кресло.

– О, она сегодня самостоятельная.

Эби закатила глаза, вытащила руку за палец и протянула обратно.

– Костик, сколько можно? Мы же договаривались: в гостях не разваливаться.

– Я стараюсь, – пожал он плечами. Одно плечо отвалилось. Он быстро приставил его обратно. – Это нервы. Всё-

таки к дочери ехали.

За ними вошли мама Сара и папа Изя. Мама Сара тащила сковородку, сумку с продуктами и выражение лица «я здесь всё проверю». Папа Изя нёс себя с достоинством мумии, пережившей трёх фараонов, две революции и одну одесскую коммуналку. Бинты были намотаны идеально – сказывалась тысячелетняя практика. В руках он держал газету «Одесские вести» трёхмесячной давности и делал вид, что только что её читал.

– Здравствуйте, дети! – прогремела мама Сара, и сковородка в её руках одобрительно звякнула. – Мы тут мимо проходили. Дай, думаем, зайдём проверить, как вы тут без нас.

– Мама, вы живёте в соседнем крыле.

– Тем более! – парировала она. – А то мало ли. Вдруг вы тут без нас уже революцию устроили.

– У нас тихо, мам. Курорт.

– Тишина – это подозрительно, – заметил папа Изя. – В Одессе, когда тихо, значит или все спят, или уже ограбили.

Они перебрались в ресторан. За соседним столиком русалки допивали сок через трубочки, чтобы чешуя не намокала. У входа нацисты стояли в почётном карауле, периодически падая, но с достоинством поднимаясь обратно. Ася смотрела на родителей и чувствовала, как в голове созревает план. Опасный. Абсурдный. Идеальный.

– Сёма. Смотри на них.

– Смотрю.

– Они здесь уже двадцать лет.

– Я в курсе.

– Они никогда не выезжали за пределы острова.

– Кроме Замрича.

– Замрич не считается. Это дом. Им нужно приключение. Настоящее. С самолётами, отелями, чужими странами и культурным шоком.

Сёма медленно повернул голову.

– Ты хочешь отправить их в кругосветку?

– Да.

– Четырёх?

– Да.

– Со сковородкой, запасными конечностями и тысячеклеточными бинтами?

– Да.

Сёма посмотрел на Костю, который пытался поймать своё ухо, пока Эби приклеивала ему руку. Посмотрел на маму Сару, объяснявшую официанту-русалке, что бычки должны жариться, а не плавать. Посмотрел на папу Изю, читающего газету вверх ногами.

– А знаешь... это гениально.

И именно в этот момент мир решил вмешаться.

Дверь тихо приоткрылась. В комнату вошёл Костян. В руках у него был якорь, светящийся ровным спокойным светом. Все замолчали. С Костяном не спорили. С ним вообще мало говорили. Он просто был. Костян поставил якорь

в центр комнаты.

– Якорь, – сказал он.

– Что? – не поняла Ася.

– Возьмите.

– Зачем?

Костян посмотрел спокойно.

– Когда мир начнёт качаться – держитесь за него.

Костя кивнул, хотя ничего не понял. С Костяном всегда так – понимаешь потом. Когда уже поздно, но правильно. Якорь мигнул ярче и погас.

– Спасибо, – тихо сказала Эби.

Костян кивнул и исчез так же тихо, как появился.

Через три дня чемоданы были собраны. Мама Сара упаковала три сковородки разного калибра, набор специй из сорока шести позиций, две бутылки домашнего соуса «на всякий случай», портативную тёрку, фотографии внуков, запасную тёрку – потому что первая может подвести – и список стран, где она собиралась объяснить людям, как правильно жарить рыбу. Папа Изя взял газету – ту самую, трёхмесячную, теперь уже как философский талисман. К ней добавились веер от японского призрака, молитвенные флажки из Индии, шляпа неизвестного происхождения и маленький складной табурет, потому что «мир большой, а сидеть где-то надо». Эби взяла запасной глаз Кости, три флакона божественного клея, чёрные очки и инструкцию «что делать, если Костя потеряет более 60% себя». Костя взял себя. Не всего – це-

ликом он в чемодан не помещался. Поэтому в багаже оказались запасная челюсть, левое колено, два уха, расписание потерь конечностей, список «где я мог это оставить» и вера в лучшее. Форшмак взял себя в стеклянной банке с надписью «хрупкое, но свободное», запасной сельдерей, список требований на десяти страницах и отдельный список требований к кенгуру.

– Почему кенгуру? – спросил Сёма.

– Я готовлюсь к международному диалогу! – гордо заявил форшмак.

У двери собрались все жители Атлантиды. Нацисты выстроились в почётный караул – двое упали, но быстро поднялись. Русалки пели прощальную песню: начали романсом, закончили одесским шансоном. Ася обняла маму Сару.

– Мам, только обещай: не организовывать там культ скоророды.

– А если они сами попросят?

– Не попросят.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что там другая кухня. Дим-самы, суши, карри...

– Звучит как вызов, – сказала мама Сара.

Папа Изя подошёл к Сёме.

– Сынок... береги бантик. Он хоть и своенравный, но родной.

Бантик на локте Сёмы всхлипнул.

– Вернусь – расскажешь, как съездили. Я в газете потом

почитаю.

– Пап, это китайские газеты.

– Я свою уже три месяца не понимаю, – философски сказал папа Изя. – Привык.

Они подошли к portalу – той самой двери с табличкой «Не хлопать». Ася открыла её. За дверью был Гонконг. Неоновый, шумный, пахнувший уткой по-пекински, жареными каштанами, морем и деньгами. Улицы гудели, реклама мигала, где-то одновременно сигналили двадцать машин и один философ. Костя шагнул первым.

– Эби, смотри! Тут всё светится!

И потерял руку.

Рука упала прямо под ноги прохожему китайцу. Тот спокойно остановился, внимательно осмотрел находку, аккуратно поднял её двумя пальцами, словно это был редкий морской деликатес, поклонился и протянул обратно.

– Ваше, – сказал он по-английски.

Костя посмотрел на руку. Рука посмотрела на Костю.

– Мне здесь нравится, – сказал Костя.

Эби вздохнула, приклеила руку и вошла следом. За ней прошла мама Сара со сковородкой, папа Изя с газетой и форшмак в банке, который уже стучал стеклом по такси и требовал везти его к самой вкусной утке. Таксист посмотрел на банку, на людей, снова на банку и философски сказал:

– В Гонконге я уже видел всё.

Дверь закрылась. На табличке «Не хлопать» на секунду

загорелась новая надпись: «СЧАСТЛИВОГО ПУТИ. ЕСЛИ ЧТО – СОБЕРЁМ ПО ЧАСТЯМ».

Ася и Сёма стояли на пороге и смотрели вслед.

– Думаешь, справятся? – спросила Ася.

Сёма посмотрел на исчезнувшую в неоне семью, на бантик на локте и на тихо светящийся якорь.

– Таки да, – сказал он. – Мир пока не знает, что его ждёт.

Бантик согласно кивнул.

Где-то в Гонконге форшмак уже начинал международный конфликт с уткой. Начиналось большое путешествие. И если всё пойдёт хорошо, мир отделается только лёгким культурным шоком.

ГЛАВА 1

Дверь захлопнулась. Атлантида осталась где-то там, за спиной – вместе с пальмами, русалками и нацистами, которые, скорее всего, уже упали ещё пару раз для поддержания дисциплины. Перед ними был Гонконг. Он не просто шумел – он орал. Мигал рекламой, сигналил машинами, переливался неоном так, будто весь город одновременно пытался продать лапшу, телефоны, страховку жизни и немного просветления по скидке. Люди неслись мимо с такой скоростью, будто опаздывали на собственную судьбу.

Костя стоял посреди тротуара и хлопал глазами. Одним. Второй он держал в руке – на всякий случай, чтобы не убежал раньше времени и не начал самостоятельную экскурсию по Азии. Вокруг гудело, мигало, переливалось. Иероглифы светились розовым, зелёным и золотым. Где-то орала утка. Где-то сигналили машины. Где-то сигналили сразу двадцать машин и один философ.

– Эби, – сказал Костя. – Мне кажется, я оглох.

– Ты не оглох, – спокойно ответила Эби, оглядываясь по сторонам. – Ты просто ещё не привык.

– А глаза?

– Глаза на месте. Оба.

Костя посмотрел на руку, в которой держал глаз. Рука посмотрела на Костю. Глаз тоже посмотрел. Получился малень-

кий семейный совет. Потом рука немного подумала, развернулась и уверенно показала пальцем на огромную вывеску с жареной уткой.

Очень уверенно.

– Она хочет есть, – перевёл Костя.

– Она всегда хочет есть, – вздохнула Эби. – У неё характер.

Мама Сара уже стояла с закрытыми глазами и втягивала воздух с видом человека, который слушает симфонию.

– Чую утку, – объявила она. – Жареную. Хрустящую. Имбирь. Кунжут. Слива. И повар слегка пересолил.

– Мама, мы стоим на улице, – осторожно заметила Эби.

– Опыт, – спокойно ответила мама Сара. – В одесской коммуналке, если ты не умеешь находить еду по запаху через три стены, ты долго не живёшь.

Она ещё раз вдохнула.

– И ещё там рис.

– Мама...

– Хороший рис.

Папа Изя стоял рядом и держал газету. Ту самую. Трёхмесячную. Он поднёс её к глазам, потом повернул налево, потом направо, потом вверх ногами, потом снова вниз.

– Здесь всё не так, – сказал он.

– Что именно? – спросила Эби.

– Буквы.

Он ткнул пальцем в светящиеся иероглифы на огромной

вывеске.

– У нас буквы понятные. А тут... – он прищурился. – Тут или я ослеп, или они пишут как доктор после ночного дежурства.

– Это китайский, пап.

– А, – кивнул папа Изя. – Ну тогда ладно.

Он аккуратно сложил газету и убрал её в карман. Видимо, решил, что через пару месяцев и эти закорючки станут родными.

Из такси, которое стояло неподалёку (водитель уже некоторое время смотрел на компанию и пытался понять, вызывал ли он их, или это коллективная галлюцинация), донёсся стук.

Тук-тук-тук.

– Эй! – раздалось из банки. – Меня кто-нибудь выпустит или я так и буду тут сидеть, пока вы будете обсуждать мировую письменность?

Эби открыла банку. Форшмак вылез, отряхнулся, расправил сельдерей как дипломатический жезл и внимательно осмотрел улицу.

– Ну, – сказал он. – Где тут международный конфликт?

– Какой конфликт? – спросил Костя.

– Любой. Я готов. Я личность. У меня паспорт. Мне нужен дипломатический статус. И утка.

– Утка?

Форшмак ткнул сельдереем в огромную вывеску.

– Вон та. Я чувю. Она там плаваёт в соусе и думает, что она главная. А я тут, между прочим, представитель цивилизации.

Таксист высунулся из окна.

– Вы едете или просто стоите красиво? – спросил он по-английски с таким акцентом, что даже папа Изя понял.

– В ресторан, – сказала мама Сара. – К самой вкусной утке.

– Их тут тысяча, – заметил таксист.

– Значит, будем пробовать тысячу, – спокойно ответила мама Сара.

И в этот момент Костя потерял руку.

Не ту, которую держал.

Другую.

Которая была прикручена.

Она просто взяла и отвалилась.

Упала на асфальт.

Полежала секунду.

Подумала.

И покати́лась.

Сначала медленно.

Потом быстрее.

Потом, видимо, решила, что свобода – серьёзная вещь, и резко ускорилась.

– Эй! – крикнул Костя. – Ты куда?!

Рука ловко объехала бабушку с тележкой, перепрыгнула через лужу, обогнула велосипедиста и скрылась за углом

с видом человека, который наконец нашёл смысл жизни.

– Я сейчас, – спокойно сказала Эби.

И исчезла.

Вампирская скорость – это когда человек ещё говорит «я сейчас», а его уже нет, а через секунду где-то за квартал начинается происходить что-то подозрительно быстрое.

Таксист посмотрел на Костю.

На культу.

Потом на руку с глазом.

Потом снова на Костю.

Он медленно закурил.

– В Гонконге я уже видел всё, – сказал он.

Подумал.

– Но сегодня рекорд.

И уехал.

Костя остался стоять посреди тротуара. Мама Сара уже вычисляла направление утки по запаху. Папа Изя изучал китайские иероглифы на столбе с выражением человека, который собирается привыкнуть к ним философски. Форшмак тем временем уже вступил в ожесточённую дискуссию с китайским голубем.

– Я личность! – возмутился форшмак. – У меня паспорт!

Голубь смотрел на него с выражением старого чиновника, который видел таких личностей тысячи.

– Я представляю международные интересы! – продолжал форшмак.

Голубь моргнул.

– Я требую уважения!

Голубь сделал шаг ближе и посмотрел на сельдерей.

– Это дипломатический жезл! – закричал форшмак.

Где-то за углом раздался звон разбитой тарелки.

Потом голос Эби:

– Стоять!

Потом возмущённое молчание убегаящей конечности.

Костя вздохнул.

Одна рука убежала.

Вторая держала глаз.

Мама Сара охотилась на утку.

Папа Изя привыкал к китайской письменности.

Форшмак начинал международный конфликт с голубем.

Костя посмотрел на неоновый город, который мигал, шумел и явно готовился к неприятностям.

– Ну, – сказал он. – Началось.

Китай встречал гостей.

Здание Гильдии стояло там же, где стояло всегда – между пунктом приёма стеклотары и магазином «Рыболов-любитель», который не работал лет двадцать, но вывеску не снимали из принципа. Считалось, что если её снять, начнётся что-то плохое. Возможно, даже рыбалка.

На табличке у входа значилось: «ГИЛЬДИЯ ОХОТНИКОВ ЗА НЕЧЕСТЬЮ. ПРИЁМ ПО ЗАПИСИ. БЕЗ ЗАПИСИ – ДОРОЖЕ. СПРАВКИ НЕ ДАЁМ, НО МОЖЕМ

ОФОРМИТЬ СОБЫТИЕ».

Внутри было душно, пахло валерьянкой, канцелярией и многолетней административной тоской. На стенах висели портреты бывших руководителей. Все смотрели одинаково – с лёгким осуждением и выражением лиц людей, которые прекрасно понимают, что после их смерти всё стало только хуже.

В центре зала стоял огромный экран, разделённый на десятки квадратов. В одном русалки пели шансон и явно фальшивили. В другом какие-то нацисты падали с метёл, причём падали уже третий час подряд, но упрямо поднимались и продолжали падать снова. В третьем мужик с удочкой сидел на берегу и смотрел на воду с таким упорством, будто пытался взглядом убедить рыбу совершить ошибку.

– Тишина, – сказал дежурный гоблин, наблюдая за экранами. – Спокойно. Даже подозрительно спокойно.

– Всё подозрительно, – отозвался бухгалтер, не отрываясь от бумаг. – Даже спокойствие подозрительно. Особенно спокойствие.

– Скучно, – добавил кто-то из угла.

И именно в этот момент экран мигнул.

На карте мира, прямо над Гонконгом, загорелась красная точка. Сначала маленькая. Потом больше. Потом она начала пульсировать так нервно, словно только что выпила три литра энергетика и вспомнила, что она – международный инцидент.

– Это что? – спросил дежурный.

Бухгалтер поднял голову. Посмотрел на экран. Потом на бумаги. Потом снова на экран.

– Не знаю, – сказал он. – Но датчики ведут себя так, будто им сейчас станет неловко.

– А что там вообще?

– Гонконг. Китай. Туристы, бизнес, утки...

– Утки?

– Жареные. Там это национальная тема.

Красная точка пульсировала всё быстрее, словно кто-то внутри неё активно принимал решения, о которых потом придётся писать объяснительные.

– Вызывайте тётю Глашу, – сказал кто-то.

– Она в саду.

– Тем более.

Сад тёти Глаши находился там же, где и всегда – одновременно нигде и везде. Если ты знал дорогу, ты попадал туда сразу. Если не знал – проходил мимо и видел пустырь с подозрительно философскими помидорами.

Тётя Глаша сидела на лавочке и вязала. Рядом стояла авоська с помидорами – три штуки, крупные, красные и с таким выражением, будто они уже давно всё поняли про жизнь и теперь наблюдают за людьми исключительно из научного интереса.

Телефон зазвонил.

Старый кнопочный аппарат с антенной, которая выезжала

только в случаях, когда происходило что-то действительно неприятное.

Тётя Глаша посмотрела на экран.

«ГИЛЬДИЯ. СРОЧНО».

– Опять, – сказала она.

Она аккуратно сложила вязание, поставила авоську на лавочку, погладила верхний помидор (тот смущённо покраснел ещё сильнее) и исчезла.

В зале заседаний она появилась ровно посередине комнаты. Никто не вздрогнул. Все давно привыкли.

– Ну, – сказала тётя Глаша. – Что у вас опять случилось.

Дежурный гоблин ткнул пальцем в экран.

Красная точка теперь не просто пульсировала – она прыгала, искрила и явно наслаждалась происходящим.

– Гонконг, – сказал он. – Датчики сходят с ума.

– Я вижу.

– Кто-нибудь знает, что там происходит?

Повисла тишина. Тяжёлая, служебная, с привкусом надвигающегося отчёта.

И тут из угла раздался голос.

Бухгалтерский.

– Я знаю этот запах.

Все повернулись.

Бухгалтер сидел за своим столом, заваленным папками так густо, будто ими пытались забетонировать проблему.

Он смотрел на экран и медленно принохивался.

– Какой запах? – спросила тётя Глаша.

– Помидоры... валерьянка... – сказал он. – И... кажется...

форшмак.

В комнате стало тихо.

Кто-то перекрестился. Кто-то начал искать запасной план.

Запасного плана, как обычно, не было.

– Форшмак? – переспросил дежурный.

– Тот самый, – кивнула тётя Глаша. – Который личность.

– А почему он в Гонконге?

– Потому что у него паспорт.

Экран снова мигнул. Рядом с большой точкой появилась ещё одна – маленькая, быстрая и крайне нервная.

– А это что? – спросил гоблин.

Бухгалтер прищурился.

– Похоже на руку.

– Чью?

– Судя по траектории – Костину.

– То есть Костя уже без руки?

– Судя по показаниям датчиков, у него сейчас на одну конечность меньше, но она продолжает вести самостоятельную жизнь.

– Это по плану?

– Нет, – сказал бухгалтер. – Это характер.

Секретарь зашуршал бумагами.

– По последним данным, утром в Атлантиде открылся портал. Направление – Гонконг. Пассажиры: Костя, Эби, ма-

ма Сара, папа Изя... и объект «Форшмак» в стеклянной банке. Личность. С паспортом.

Тишина стала почти религиозной.

– Рука, – сказал бухгалтер. – Это его рука.

– И куда она идёт?

– В храм.

– Зачем?

– Похоже, молиться.

– Рука?

– У неё сейчас сложный жизненный период.

Тётя Глаша посмотрела на экран. Красные точки плясали по карте так, словно уже начали международный инцидент, просто пока не сообщили об этом официально.

– Значит так, – сказала она. – Китай. Гонконг. Костя без руки. Форшмак с паспортом. И где-то рядом жареная утка.

– И что?

– А то, – сказала тётя Глаша, – что если форшмак встретится с уткой, начнётся дипломатический конфликт.

– Из-за еды?

– Из-за принципов. Он личность. Она блюдо. Он требует равноправия.

На экране точка форшмака медленно пододвинулась к району, где находилось больше всего ресторанов.

– Уже потребовал, – заметил бухгалтер.

Через секунду система выдала надпись:

«ПОДОЗРЕНИЕ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КОН-

ФЛИКТ. УРОВЕНЬ 3».

– Это плохо? – спросил гоблин.

– Это значит, – вздохнул бухгалтер, – что форшмак нашёл утку.

В комнате стало тихо.

Где-то в Гонконге начинался самый странный международный скандал в истории.

Ася шла по длинному коридору «Атлантида-Палас». Слева тянулись номера с видом на море. Справа – номера с видом на пальмы. Прямо – бесконечность, ковровая дорожка и лёгкое ощущение, что она здесь единственный нормальный человек. Ну... относительно.

Телефон зазвонил.

Ася посмотрела на экран.

«ДЯДЯ ТОЛЯ».

– Дядь Толь? – удивилась она, принимая вызов. – Ты где?

– В Атлантиде, – бодро ответил голос из трубки. – Только что из портала вышел. А где отец?

Ася остановилась.

– Папа? А зачем тебе папа?

– Рыбалка! – в голосе дяди Толи прозвучал такой энтузиазм, будто речь шла не о рыбалке, а о запуске новой галактики. – Абрам место подготовил! Такое место! Там рыба сама из воды выпрыгивает! Ну... не совсем сама. Мы ей чуть-чуть помогли, но выпрыгивает!

– Дядь Толь...

– Мы уже и удочки купили! И наживку! И резиновые сапоги! И складной мангал! И стул, который раскладывается в философию!

– Дядя Толя.

Пауза.

– Что?

– Папы нет в Атлантиде.

Тишина. Такая, которую слышно даже через мобильную сеть.

– В смысле нет? – голос дяди Толи резко перешёл в режим человека, который только что понял, что сапоги покупал зря.

– Мы отправили их в путешествие, – сказала Ася осторожно. – В кругосветку.

– Куда?!

– Китай. Япония. Индия. Австралия. Чтобы отдохнули. Чтобы приключения были. Чтобы...

Она не договорила.

Потому что прямо посреди коридора, из воздуха, с лёгким хлопком и запахом текилы, появилась дверь.

Обычная деревянная дверь. С ручкой. С табличкой «НЕ ХЛОПАТЬ». Табличка выглядела так, будто её вешали уже после нескольких серьёзных инцидентов.

Дверь открылась.

Вышел дядя Толя.

– Вот так всегда, – сказал он, убирая телефон в карман. – Звонить удобно, а лично надёжнее.

Ася моргнула.

– Ты... ты только что вышел из телефона?

– Из портала, – поправил он. – У меня карман остался с прошлого раза. Очень удобная штука. Захожу где хочу, выхожу где надо. Иногда наоборот, но это редко.

Он оглядел коридор.

– Красиво у вас тут. Длинно. Для разбега, наверное.

– Дядь Толя, – Ася попыталась вернуть разговор в реальность. – Ты зачем пришёл?

– За отцом твоим! – напомнил он. – Рыбалка! Абрам старался! Он там такое рыбное место создал... ну, не нашёл, конечно. Создал. Но какая разница?

– Папы нет.

– Я уже понял, – вздохнул дядя Толя. – Но ты объясни: куда отправили, зачем отправили и что теперь делать с рыбалкой?

– В кругосветку. Чтобы отдохнули. Чтобы приключения. Чтобы...

– У них и так приключения! – перебил он. – У них жизнь – сплошной сериал! Костя руки теряет, Эби их обратно приклеивает, форшмак скандалит...

Он вдруг замолчал.

– Погоди... Форшмак с ними?

– С ними, – кивнула Ася.

Дядя Толя задумался. Серьёзно. Даже слегка философски.

– И куда они поехали сначала?

– Китай. Гонконг.

– Гонконг... – повторил он медленно. – Это где утки?

– Наверное...

– Жареные утки.

– Да.

Дядя Толя посмотрел куда-то вдаль. Туда, где обычно формируются плохие идеи.

– И форшмак... – произнёс он. – Форшмак с паспортом.

Ася посмотрела на него.

– Ты чего?

– Ааа... – протянул дядя Толя. – Теперь понятно.

– Что понятно?

– Почему мне звонили.

– Кто?

Он достал телефон, повертел его в руках, как улику, и снова убрал в карман.

– Звонили.

– Кто?

– Неважно кто. Важно что сказали.

Ася уже начинала нервничать.

– И что сказали?

Дядя Толя посмотрел на неё взглядом человека, который сейчас сообщит что-то крайне неприятное, но сначала хочет убедиться, что слушатель морально подготовлен.

– Сказали, – произнёс он медленно, – что в Гонконге ка-

кой-то форшмак наезжает на утку.

Ася замерла.

– Что?

– То. Форшмак. Наезжает. На утку.

– Как наезжает?!

– С паспортом. Требует равноправия. Говорит, что он личность, а она блюдо, и почему это она плавает в соусе, а он столько лет сидел в банке. В общем, международный конфликт.

Ася открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

– Это... вообще законно?

– В Гонконге – возможно, – философски сказал дядя Толя. – Там сложная правовая система.

– А кто звонил?

– Ну... – он посмотрел в потолок. – Есть один знакомый из Гильдии.

Ася прищурилась.

– Тётя Глаша?

– Я этого не говорил.

Ася схватилась за голову.

– Они уехали утром! Прошло несколько часов!

– Форшмак – личность с характером, – спокойно сказал дядя Толя. – Ему много времени не надо.

Он похлопал её по плечу.

– Не переживай. Я разберусь.

– Ты?!

– А что? Я с Абрамом свяжусь. Он в море всё видит. Архип там где-то рядом крутится. Ну а если совсем начнётся бардак, я и сам в Гонконг заскочу. У меня карман.

Он уже пошёл к двери, но вдруг остановился.

– А рыбалка? – спросил он тихо. – Костя вообще когда-нибудь вернётся?

– Через четыре страны, – сказала Ася.

Дядя Толя тяжело вздохнул.

– Ладно. Подождёт рыбалка. Рыба не убежит. А если убежит – Абрам новую создаст. Он умеет.

Он открыл дверь.

– Дядь Толь, – окликнула Ася. – А ты уверен, что справишься?

Дядя Толя обернулся.

– Детка, – сказал он серьёзно. – Я бог. Майянский. Ну... по крайней мере числюсь. Если я не справлюсь с одним форшмаком и одной уткой, мне потом кактус на подоконнике будет всю жизнь колючкой в зад тыкать. А это, знаешь ли, серьёзная мотивация.

Он шагнул в дверь.

– Передавай привет Сёме! И бантику!

Дверь закрылась.

Коридор снова стал обычным. Тихим. Длинным.

Ася стояла посреди ковровой дорожки и медленно переваривала происходящее.

– Господи... – сказала она вслух. – Они всего несколько

часов в Китае. Несколько часов.

Где-то далеко, в Гонконге, форшмак уже начинал дипломатический скандал, а утка постепенно приходила к неприятному выводу, что её жизнь может оказаться значительно сложнее, чем просто соус и тарелка.

Гонконг. Набережная.

– В банку, – сказала Эби.

Форшмак замер. Сельдере́й в его руке задрожал.

– Что? – завопил он, пятясь к витрине с утками.

– В банку! – повторила Эби голосом, который не допускал возражений.

– Я личность! – размахивая сельдереем, завопил форшмак. – У меня паспорт! Я требую адвоката! Международного наблюдателя! Правозащитный комитет по закускам! Лигу независимых консерв! Справедливого судью для каждой маленькой птицы на планете!

Эби сделала шаг вперёд. Форшмак сделал шаг назад.

– Мама! – мысленно прокричала Ася, потому что всё ещё была в Атлантиде.

Через три секунды форшмак уже сидел в банке.

– Это произвол! – гремело из-за стекла. – Это нарушение Женевской конвенции! Я буду жаловаться в ООН! В ЮНЕСКО! В общество защиты домашних закусок!

Эби закрутила крышку.

– Дышать? – спросил Костя.

– Он дышит сельдереем, – ответила Эби. – Ему хватит.

– Я буду писать мемуары! – гремело из банки. – «Три минуты свободы и пожизненное в стекле»! Бестселлер! Экранизация! «Оскар» за лучшую мужскую роль второго плана!

– У него там всё хорошо? – поинтересовался папа Изя.

– У него там всё громко, – сказала Эби, сунув банку в рюкзак. Рюкзак обиженно вздулся, но смолчал.

– Нам надо убираться, – объявила Эби. – Пока сюда не приехала полиция, служба безопасности ресторанов и международный трибунал по правам личностей.

– А куда? – спросил Костя.

– На паром.

– На паром? – переспросила мама Сара. – А как же утка?

– Мама, утки сейчас будут избегать нас всю оставшуюся жизнь.

Мама Сара вздохнула. Сквородка в её руках вздохнула следом.

– Ладно, – сказала она. – В Китае много уток.

– Мы и так в Китае, – заметил папа Изя.

– Я имею в виду – в настоящем Китае, на материке. Там утки другие. Более философские. Им не до конфликтов.

Паром. Палуба.

Паром отчалил ровно в тот момент, когда на берегу появились подозрительные личности в форме. Кто они были – полиция, охрана ресторанов или просто прохожие с чувством долга – осталось загадкой.

Ветер дул в лицо. Гонконг медленно уплывал назад, свер-

кая неоном и оставляя за собой шлейф из несостоявшегося международного скандала.

Костя стоял у борта и смотрел на воду. Рука, которая не убежала, мирно лежала на поручне. Другая рука, которая убежала, но была поймана, сидела в кармане и дулась.

– Красиво, – сказал Костя.

– Ага, – кивнула Эби.

– Эби, – сказал он, – ощущение, что мы всего несколько часов в этом городе, а уже произошло всё.

– Было такое, – ответила она.

– И это только начало?

– Костик, это первый день, – сказала Эби.

Из рюкзака донеслось:

– Свободу личностям с паспортами! Еда тоже человек!

Ну, не человек, но имеет право голоса!

– Он успокоится когда-нибудь? – спросил папа Изя.

– Когда поймёт, что утка осталась в Гонконге, – ответила мама Сара.

В этот момент на палубе появился ягуар. Он вышел из-за угла с видом, будто всегда здесь был. В одной лапе держал телефон, на котором горела запись. Красная точка мигала в такт лозунгам форшмака.

– Добро пожаловать на борт, – сказал ягуар. – Вы смотрите прямую трансляцию из паромы Гонконг – Материк. Форшмак в банке. Только что предотвращён международный конфликт. Лайки летят.

– Ты откуда взялся? – спросил Костя.

– Из чемодана, – спокойно ответил ягуар. – Там всегда есть место для камеры, тёплая одежда и запасные батарейки.

Ягуар повернул телефон к рюкзаку.

– Сейчас вы увидите главного героя сегодняшнего дня. Форшмак. Личность. Паспорт. Банка.

Из рюкзака донеслось:

– Снимайте меня с правильного ракурса! Слева мой лучший профиль!

– У него там и слева, и справа сельдерей, – заметил папа Изя.

– Это неважно! – кричал форшмак. – Сельдерей тоже имеет права! Вы когда-нибудь думали о чувствах сельдереев?!

Ягуар посмотрел в камеру:

– Подписчики, – сказал он, – это только начало.

Комментарии на экране летели со скоростью света:

«Что у него в банке?»

«Это форшмак?»

«А он настоящий?»

«Почему он кричит?»

«У кого паспорт?»

«Передайте сельдереев, что мы за него!»

– Есть движение в поддержку сельдереев, – прокомментировал ягуар. – Формируется общественное мнение.

– Убери камеру, – сказала Эби.

– Не могу, – ответил ягуар. – Подписчики ждут контент.

Они хотят знать, что будет дальше.

– Что будет дальше? – спросил Костя.

– Понятия не имею, – честно сказала Эби.

Из рюкзака донеслось снова:

– СВОБОДУ ПИЩЕ! ПИЩА ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК! НУ,
НЕ ЧЕЛОВЕК, НО ИМЕЕТ ПРАВО ГОЛОСА!

Папа Изя посмотрел на маму Сару.

– У нас всегда так? – спросил он.

– Всегда, – ответила мама Сара. – Но это только первый день.

– И сколько у нас таких дней?

– Три страны осталось.

Где-то вдалеке, в Гонконге, утка наконец выдохнула и вернулась в соус. Но ненадолго. Форшмак уже строил новые планы.

ГЛАВА 2

Поезд. Купе.

Вагон мерно покачивался, изредка подпрыгивая на рельсовых волнах. За окном мелькали рисовые поля, фабрики, горы и философы с удочками, которые ловили не рыбу – они ловили мысли. Получалось редко.

Костя сидел у окна. Одна рука мирно лежала на столике. Вторая торчала из кармана и показывала форшмаку средний палец. Форшмак обижался, но продолжал:

– Я – голос угнетённых консервов! Я – будущее закуской демократии! Я потребую микрофон! Иначе забастовка!

Эби листала инструкцию «Что делать, если конечности продолжают самостоятельную жизнь». На двадцать третьей странице был рисунок: рука показывает средний палец, подпись: «Это нормально. Это характер».

Папа Изя держал газету. Трёхмесячную. Он давно понял: трёхмесячные новости сбываются точнее всего.

Мама Сара раскладывала сковородку, держа её так, будто держит жезл вселенной.

– Мама, – сказала Эби, тихо, – мы в поезде.

– Я знаю, – отозвалась Сара. – Вагон-ресторан.

– Там кормят.

– Проверю.

Сковородка звякнула и подпрыгнула, готовая к бою.

Банка зашумела:

– Сельдерей – мессия зелёной революции! Я требую равноправия всех овощей!

– Заткнись, – буркнул папа Изя, переворачивая газету.

Дверь купе с грохотом разъехалась. Пятеро в чёрных костюмах, галстуках и с портфелями... прыгали. Прыг-скок, прыг-скок, портфели метались как барабаны, галстуки развевались как флаги.

Передний приземлился перед Костей, осмотрел культу, руку на столике и торчащие пальцы в кармане.

– С востока? – спросил он на ломаном русском.

– Что? – Костя не понял.

– Делегация. С востока. Проблемы с конечностями. Вижу. Эби медленно закрыла инструкцию.

– Вы кто?

Передний поклонился, прыгнул для солидности.

– Цзянши. Пятый уровень. Специалист по отделениям.

Он показал на руку, болтавшуюся в плече.

– У всех бывает. Главное – вовремя приставить.

Костя просиял:

– Вы понимаете?! Вы реально понимаете?!

Цзян прыгнул.

– У нас съезд в Пекине. Проблемы конечностей, фантомные боли, неправильно приставленные локти. Очень серьёзное мероприятие.

– И вы решили, что мы...

– Делегация с востока, – уверенно сказал Цзян. – У вас та же проблема. Значит, свои.

Костя хотел объяснить про Атлантиду. Но она затонула. Он промолчал.

Цзян оглядел купе. Увидел банку.

– Это тоже делегат?

– Я личность! – завопил форшмак. – У меня паспорт! Я веду пресс-конференцию! Всем овощам равные права! Я требую микрофон и лайки!

Цзян задумался. Прыгнул два раза подряд – мозг работал как дробовик.

– Странный у вас восток. Но мы не диктатура. Если паспорт есть – пусть прыгает.

– Я не умею прыгать!

– Тогда сидит в банке. У нас демократия.

Из коридора донеслось:

– Освободите проход! Сквородкой буду размахивать!

Мама Сара протиснулась сквозь прыг-скок цзянши. Сквородка в боевой готовности. Пакет пустой, но зловещий.

– В вагоне-ресторане рыба! Целиком! И они отказываются переворачивать!

– Мама, это китайская традиция...

– К НЕСЧАСТЬЮ?! – Мама Сара подпрыгнула. Сквородка подпрыгнула вслед. – Рыба должна жариться со всех сторон! Иначе сырая! Или они хотят, чтобы мы ели философские размышления с одной корочкой?!

– Это символично...

– Я им покажу символически!

Папа Изя вздохнул:

– Мама, только без жертв.

– Без жертв не бывает, Изя. Но я постараюсь.

Через минуту из вагон-ресторана донеслись крики на двух языках, звон посуды и громкий шлепок. Потом тишина. Потом голос мамы Сары:

– Бычков! Принесите! Рыба пусть плавает, где плавала!

Мы люди простые, нам бычка подавай!

Цзянши смотрели на неё с восхищением.

– Сильная женщина, – сказал Цзян.

– Я замужем, – строго сказала мама Сара.

– Мы не предлагаем, – испугался Цзян. – Мы просто констатируем.

Поезд остановился у маленькой станции. В окно постучали.

Костя выглянул. Снаружи стоял одноногий мужчина.

В руках – дымящийся мангал.

– Заказывали?

– Нет.

– А это вам. От Куя. Угли первосортные. Греют три тысячи лет. Не обожгитесь.

Он исчез. Мангал остался, будто ожидал аплодисментов.

– Эби, тут мангал, – сказал Костя.

– Поставь в угол.

– Его одноногий принёс.

– Значит, без обмана. Одноногие зря не носят.

Мама Сара развернула мангал прямо в проходе.

– Шашлык через полчаса! Всех угощаю!

– А рыба?

– Рыба пусть плавает.

Проводница заглянула, увидела мангал, пять прыгающих цзянши и маму Сару со сковородкой. Перекрестилась. Исчезла.

На верхней полке зашевелился ягуар. В одной лапе телефон, в другой – батарейка.

– Подписчики требуют, чтобы форшмак спел! – сказал он.

– Я СПОЮ! ЕСЛИ МНЕ ДАДУТ МИНУТУ МОЛЧАНИЯ! – донёсся голос из банки.

Комментарии летели, как фейерверк:

«Где купить билет на этот поезд?»

«Цзянши настоящие?»

«Мама Сара в президенты!»

«Сельдерей 2028!»

В вагоне пахло жареным мясом, дымом и абсурдом, который теперь будет снится проводнице. Костина рука отбивала ритм по карману. Форшмак примерял президентское кресло. Цзянши прыгнули синхронно. Один раз. Для порядка.

Китай начинался.

Атлантида-Палас. Люкс с видом на море.

Ася сидела на диване и листала ленту. Рядом в кресле дядя Толя пил чай и смотрел в потолок. Кактус на его плече тоже смотрел в потолок. Видимо, там что-то интересно происходило.

– Скучно, – сказал дядя Толя.

– Ага, – кивнула Ася.

– У родителей твоих хоть приключения, а я тут сижу. Рыбалка сорвалась, кактус со мной разговаривать не хочет...

Кактус дёрнулся.

– Хочет, но молча, – поправился дядя Толя.

Ася листала ленту дальше. Посты про еду, погоду, как кто-то в Замриче снова перепутал святую воду с минералкой...

И вдруг замерла.

– Ты это видишь? – спросила она.

– Что?

– Стрим.

Дядя Толя пододвинулся. На экране телефона был прямой эфир:

Поезд. Мангал в проходе. Прыгающие люди в чёрных костюмах.

– Это... папа? – прошептала Ася.

– Где? – прищурился дядя Толя.

– У окна. Без руки. Вторая торчит из кармана.

– Хорошо, – кивнул дядя Толя. – Всё по плану.

– По какому плану?!

– У него же расписание. Пункт первый: устроить хаос.

Пункт второй: кормить цзянши. Пункт третий: заставить форшмака кричать про права сельдерея.

На экране мама Сара размахивала сковородкой. Рядом прыгали цзянши, синхронно, как на утренней зарядке супергероев хаоса.

– Кто это? – спросил дядя Толя.

– Понятия не имею, – честно сказала Ася.

– А зелёный в банке?

– Форшмак. Он теперь с ними.

Из банки донеслось:

– Я ТРЕБУЮ МИКРОФОН! МНЕ НУЖЕН СТРИМ!
И ЛАЙКИ!

– Он умеет, – вздохнула Ася.

Ягуар на верхней полке двигал камерой, фокусируясь то на мангале, то на прыгающих цзянши, то на орущем форшмаке.

– А ягуар там как оказался? – удивился дядя Толя.

– Он всегда там, где контент, – ответила Ася.

Комментарии летели быстрее, чем чайные брызги дяди Толи:

«Где купить билет на этот поезд?»

«Цзянши настоящие?»

«Мама Сара в президенты!»

«Сельдерей 2028!»

Дверь люкса открылась. Никого. Просто открылась. Потом в проёме материализовалась тётя Глаша. С авоськой,

с помидорами, с лицом «у меня плохие новости, но помидоры свежие».

– Здрасьте, – сказала она. – Не стесняйтесь, я сама.

– Тётя Глаша? – удивилась Ася. – Вы как...

– Через дверь, – улыбнулась та. – Она открывается везде, если знать, как толкнуть.

Тётя Глаша села в кресло, поставила авоську на пол и посмотрела на экран телефона Аси.

– Уже смотрите?

– Только что нашли.

– Ну-ну, – кивнула тётя Глаша. – Красиво у них там...

Поезд, мангал, прыгающие... Кто это?

– Цзянши, – сказал дядя Толя. – Китайские вампиры, пятый уровень. Прыгающие.

– Разбираешься?

– По телевизору видел.

– Я вообще-то по делу.

– По какому? – насторожилась Ася.

– Семён с Мэри тоже хотят в Китай. К родителям твоим. Чтобы компания была, веселее, поддержка там, Мэри шубу просит, Семён отмазывается...

– И?

– Билетов нет.

– В смысле нет?

– Не продают. Совсем. Сайты висят, терминалы пишут «технический перерыв, но вы держитесь».

– Это Гринвольд? – нахмурился дядя Толя.

– Он самый, – кивнула тётя Глаша. – Решили перейти на оплату морковкой.

– Морковкой?!

– Да. Картошка – прошлый век, морковка – тренд, экология, устойчивое развитие. Система не выдержала.

– И что теперь?

– Не знаю, – честно сказала тётя Глаша. – Думала, вы посоветуете.

Ася посмотрела на экран: мама Сара раздавала шашлык прыгающим вампирам, форшмак орал про права сельдерея, Костина рука отбивала ритм.

– Они там без нас справляются, – сказала она.

– Это да, – кивнула тётя Глаша. – Но Семён обижается. Хочет в стрим попасть. Мэри уже новое платье купила. Красное. С сельдереем.

– С сельдереем?!

– Тренды, – вздохнула тётя Глаша.

Дядя Толя встал.

– Значит так. Я к Абраму. В море связи, может, знает, где морковку взять оптом.

– А море при чём?

– В море всё есть. Даже морковка, если попросить.

Он направился к двери.

– А я, – сказала тётя Глаша, – пойду в кассу. Может, договорюсь. Помидоры предложу.

– Примут?

– Должны. Помидоры с характером.

Она растворилась. Остался запах валерьянки и чувство, что сейчас что-то начнётся.

Ася осталась одна. На экране форшмак всё ещё орал про микрофон. Цзянши прыгали. Ягуар снимал.

– Господи, – сказала Ася. – Китай их там съест.

И пошла искать Сёму. Бантик на локте должен был знать, что делать. Бантики всегда знают.

Поезд. Купе. Дым, мясо и прыжки.

Шашлык жарился. Дым стоял коромыслом, словно специально для красивой драмы. Проводница не появлялась – то ли смирилась, то ли уволилась, то ли ушла в монастырь и приняла обет невмешательства.

Цзянши сидели на верхних полках, свесив ноги, и ритмично покачивались. Прыгать было негде, но привычка – великая сила.

Мама Сара орудовала мангалом как дирижёр, который всю жизнь ждал оркестр, состоящий из прыгающих вампиров, орущего форшмака и дымящегося мяса.

– Костик, переверни шампур.

– Каким?

– Тем, который есть.

Костя посмотрел на руку у окна. Потом на ту, что торчала из кармана. Рука в кармане показала большой палец.

– Она согласна, – сказал Костя.

– Умница у тебя, – кивнула мама Сара.

Из банки донеслось:

– А я? Я тоже умница! Я личность! Я требую шампур!

– Ты в банке, – напомнила Эби.

– Временные трудности! Я выйду, и вы все пожалеете!

– Кто именно? – поинтересовался папа Изя, переворачивая газету.

– Все! Особенно утка!

– Она в Гонконге осталась, – сказал Костя.

– Она слышит! У неё шпионы!

Цзянши переглянулись. Один из них, самый прыгучий, спрыгнул вниз и приземлился прямо перед банкой.

– В Китае, – медленно сказал он, – есть закон: если личность требует микрофон – микрофон должен быть.

– У вас есть такой закон? – удивилась Эби.

– Нет. Но должен быть.

Он достал из портфеля пару палочек для еды и протянул их форшмаку.

– Держи. Лучше микрофона. Это связь с едой.

Форшмак замер. Сельдерей дрогнул в руке.

– Мне... дают палочки?

– Тебе дают палочки.

– Это... признание?

– Это палочки.

Форшмак поднял палочки. Сельдерей рядом выпрямился гордо.

– Я теперь официально связан с едой! – объявил форшмак. – Имею право голоса в кулинарных вопросах! Требую пересмотреть утку!

– Она в Гонконге, – сказал Костя.

– География не имеет значения, когда речь о принципах!

Цзянши, удовлетворённые, прыгнули на полки обратно.

– На съезде таких не хватает, – сказал один из них. – Боевых. С принципами.

Мама Сара снимала с мангала готовый шашлык.

– Всем по шампуру! – объявила она. – Цзянши, вам с кровью или как?

Цзян замер. Потом спрыгнул и подошёл.

– С кровью... но мы вообще-то...

– Чего?

– Кровь пьём, а не едим.

– Проблема? – спросила мама Сара.

Цзян задумался. Прыгнул два раза.

– Не знаем. Никогда не пробовали.

– Так пробуйте! – рявкнула мама Сара. – Жизнь одна! Ну у вас может и не одна, но шашлык тоже один!

Цзянши переглянулись. Затем спрыгнули с полок, выстроились в очередь и начали методично жевать шашлык.

За окном мелькали рисовые поля, фабрики, философы с удочками, которые пытались поймать дым вместо мыслей.

В купе пахло мясом, дымом и историческим моментом.

– Эби, – сказал Костя, жуя шампур. – Мы не слишком

много абсурда на один день нагнали?

– Костик, – ответила Эби, – у нас ещё три страны впереди.

– Это утешает?

– Это предупреждение.

Форшмак стучал палочками по банке, напевал гимн сельдерея. Цзянши синхронно жевали шашлык и, кажется, впервые задумались: жизнь – это не только прыжки и кровь, но и идеальная прожарка.

Поезд затормозил так резко, что цзянши синхронно подпрыгнули на полках и зависли в воздухе, словно летающие качели. Потом медленно опустились, расставляя ноги, как будто проверяли гравитацию.

– Приехали, – объявил динамик голосом, в котором не было ни капли уверенности, зато была нотка «а может, мы все пропали?»

– Куда? – спросил Костя, щурясь.

Никто не ответил. На табличке за окном – иероглифическая абракадабра, которая, казалось, хихикала в лицо любому, кто пытался её прочесть. Папа Изя приставил газету к стеклу, пытался совместить буквы, вздохнул и убрал газету.

– Бесполезно, – сказал он. – Они тут специально всё запутали.

– Кто? – спросила Эби.

– Те, кто любит нас путать и смеяться над нашей тщеславной способностью к чтению.

Мама Сара собирала мангал, сковородку уже в рюкзаке, шампуры в пакете, угли – в ведре, которое кто-то из цзянши зачем-то оставил на платформе.

– Мангал тоже с нами? – спросил Костя.

– Ты предлагаешь его выбросить? – возмутилась мама Сара. – Его одноногий бог принёс! Такие вещи передают по наследству, через пять поколений, вечно!

– Кому?

– Пока не знаю. Но передадут.

Цзянши выгружались на перрон. Прыгали с подножек, приземлялись на платформу, поворачивались, оглядывались с видом людей, которые впервые видят вокзал, хотя живут здесь тысячи лет. Один из них случайно наступил на корзину с бататом, но только отскочил и сделал вид, что так и планировал.

Цзян подошёл к Косте.

– Дальше мы пешком. Ну, не пешком. Прыжками.

– А мы?

– А вы с нами. Если хотите.

– Куда?

– На съезд. До вечера успеем. Там будет еда, общение, мастер-классы по приставлению локтей в полевых условиях.

Костя посмотрел на Эби.

– Я хочу.

– Я знаю, – ответила Эби, не поднимая бровей.

– Там съезд! По конечностям! Моя тема!

– Твоя тема – терять конечности, а не приставлять.

– Но я могу научиться!

Эби закатила глаза, но не слишком сильно – привычка.

Из рюкзака донёсся крик:

– Я тоже хочу на съезд! Я личность! У меня паспорт! Я требую быть видимым! Сельдерей должен быть виден!

– Ты в банке, – напомнила Эби.

– Это дискриминация по банковому признаку!

Цзян заглянул в рюкзак.

– Если паспорт есть – возьмём как почётного гостя. В банке. У нас всякое бывает.

– Например? – спросила Эби.

– В прошлый раз один приехал в гробу. Думал, что это таксофон.

Форшмак замер, затем торжественно поднял палочки.

– Меня... признают?

– Признают.

– В банке?

– В банке тоже можно быть личностью. Главное – паспорт.

Форшмак и его сельдерей посмотрели друг на друга и кивнули. Понимание достигнуто без слов, через силу духа и витамин С.

– Я согласен, – заявил форшмак. – Везите меня. У меня программа: равные права для всех закусок! Сельдерей в парламент! Утка – под суд!

Цзян кивнул с уважением.

– Боевой, – сказал он. – Очень боевой.

Компания двинулась. Кто прыгал, кто шагал, кто в банке, кто с мангалом на спине. Китай встречал их как эпическую комедию с дымом, мясом и ритмом прыжков.

Ягуар, замыкавший шествие, шептал в телефон:

– Подписчики, мы идём на съезд прыгающих вампиров. Форшмак в банке, сельдерей с ним, мама Сара с мангалом. Если пропаду – ищите в горах. Или в стриме. Где раньше найдут.

Комментарии летели:

«Возьмите меня с собой!»

«Цзянши круче, чем я думал»

«Форшмак 2028 – наш президент»

«Слежу за сельдереем. Он подозрительно молчит»

Сельдерей действительно молчал. Но это было подозрительно. И страшно. И прекрасно.

Компания высыпала на перрон. Позади остался поезд, в котором только что произошла маленькая революция в мире шашлыка, межкультурной дипломатии и сельдерея. Впереди – китайский городок: маленький, шумный, с бабушками, торгующими всякой всячиной, и рисовыми полями, которые шуршали как золотые ковры на ветру.

– Красиво, – сказал Костя, пытаясь не смотреть на свою торчащую руку.

– Ага, – согласилась Эби, поправляя очки и одновременно проверяя инструкции «Как не потерять конечности в пути».

– А куда идти? – спросил Костя.

Цзян показал рукой в сторону гор, словно дирижёр указывал на партию для всей колонны.

– Туда.

– Далеко?

– Для нас – два часа прыжками. Для вас – полдня пешком.

– А на такси? – Костя сделал драматическую паузу, представляя, как авто подпрыгивает вместе с пассажирами.

– В такси прыгать неудобно, – заявил Цзян, щёлкая пальцами, как будто это было очевидно.

– Эби, – вздохнул Костя. – У тебя есть план?

– У меня есть клей, – ответила она, поднимая клейкую трубку, – остальное приложится.

Из рюкзака донёсся крик:

– Я требую, чтобы меня несли так, чтобы сельдерей был виден! Это мой имидж!

– Ты в банке, – напомнила Эби.

– В банке тоже можно быть видным! Вопрос ракурса! – ответил форшмак, и его сельдерей гордо поднял листья.

Цзянши синхронно прыгнули и выстроились в колонну, как армия акробатов, которые раз в год проверяют, работает ли гравитация. Цзян подошёл к Косте:

– Там, в горах, будет съезд. Раз в сто лет. Обсуждаем конечности, культы, фантомные боли и неправильно приставленные локти.

Костя просиял.

– Это же моя тема!

– Твоя тема – терять конечности, а не приставлять, – напомнила Эби.

– Но я могу научиться! Там же мастер-классы!

– Будут. И лекции. И круглые столы. И банкет.

– Банкет? – оживилась мама Сара, проверяя положение сковородки на мангале.

– Ну да. А вы думали, съезд без банкета? – улыбнулся Цзян. – У нас традиции.

Мама Сара посмотрела на мангал, сковородку и прыгучих цзянши. Потом серьёзно кивнула:

– Я согласна.

– Ты даже не знаешь, куда идти, – заметил папа Изя.

– Я знаю главное: там будут есть. А где едят – там и моя сковородка нужна.

Цзянши тронулись в путь. Кто прыгал, кто шагал, кто в банке, кто с мангалом за спиной. Ягуар замыкал шествие, шепча в телефон:

– Подписчики, мы идём на съезд прыгающих вампиров. Форшмак в банке, сельдерей с ним, мама Сара с мангалом. Если пропаду – ищите в горах. Или в стриме. Где раньше найдут.

Комментарии летели со скоростью света:

«Возьмите меня с собой!»

«Цзянши круче, чем я думал»

«Форшмак 2028 – наш президент»

«Слежу за сельдереем. Он подозрительно молчит»

Сельдерей действительно молчал. И это было подозрительно... и величественно.

Дорога серпантинном вилась вверх. Горы становились всё ближе, воздух – чище, а бабушки с тележками исчезли, оставив только запахи жареной лапши и свежей зелени. Где-то вдали виднелись красные фонарики и очертания огромного здания.

– Это там? – спросил Костя.

– Там, – кивнул Цзян.

– А что это?

– ДК.

– Дом культуры?

– Ну да. У нас съезды всегда в домах культуры. Там и сцена, и буфет, и место для прыжков.

Костя посмотрел на Эби:

– Мы идём на съезд прыгающих вампиров в дом культуры?

– Ага.

– Это нормально?

– Костик, – ответила Эби, – мы уже час идём за колонной прыгающих, у тебя рука показывает пальцы, форшмак требует признания. Какой момент нормальный?

Костя задумался.

– Пожалуй, никакой.

– Вот и я о том же.

Вход в посёлок был отмечен вывеской:

«ДК „ПРЫГУН“. ВХОД СВОБОДНЫЙ. ДЛЯ ОСТАЛЬНЫХ – 10 ЮАНЕЙ».

– А мы свои? – спросил Костя.

– У тебя рука отваливается? – уточнил Цзян.

– Регулярно.

– Свои. Проходите.

Внутри пахло свежим лаком сцены, рисовой лапшой и дымом от мангала. Перед ними был съезд, банкет, новые знакомства и, возможно, ответ на главный вопрос: зачем нужны конечности, если они всё равно отваливаются.

ДК «Прыгун». Зал заседаний.

Внутри пахло свежим лаком сцены, рисовой лапшой и дымом от мангала, который мама Сара категорически отказалась выпускать из рук. Зал был полон. Цзянши сидели на стульях, на подоконниках, на люстрах и даже на потолке – те, кто успел запрыгнуть и потом решил, что вниз уже не обязательно.

В центре сцены висел огромный плакат:

«ВСЕКИТАЙСКИЙ СЪЕЗД ЦЗЯНШИ. ПРОБЛЕМЫ КОНЕЧНОСТЕЙ – 2028».

Ниже мелким шрифтом:

«Культи, фантомные боли, локти не туда.

Вход по паспорту или справке от шамана».

– Красиво, – сказал Костя.

– Каждый год новый плакат, – пояснил Цзян. – Новые про-

блемы. В этом году ещё сельдерей добавили.

– Почему сельдерей?

– Потому что модно.

Из рюкзака донеслось:

– Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ МЕНЯ ПОСТАВИЛИ НА СЦЕНУ! Я ПОЧЁТНЫЙ ГОСТЬ!

– Ты в банке, – напомнила Эби.

– НА СЦЕНЕ ТОЖЕ МОЖНО В БАНКЕ! ЭТО БУДЕТ ПЕРФОМАНС!

Цзян задумался. Подпрыгнул два раза.

– А что. Пусть стоит. У нас в прошлый раз один приехал в гробу. Думал, что это таксофон. Мы его тоже на сцену ставили. Зал аплодировал.

Форшмак торжественно поднял палочки. Сельдерей рядом выпрямился, как солдат перед присягой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.